

18; Варфоломеев Ю. О духовном завещании Льва Толстого // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 315–317. См. также: Сергеев А.П. Семья // Нева. 1980. № 10. С. 104.

<sup>52</sup> См.: Чертков В.Г. Уход Толстого. М., 1922.

<sup>53</sup> Толстой Л.Н. ПСС. Т. 57. С. 161.

<sup>54</sup> Чертков В.Г. Уход Толстого. С. 108. О том же Чертков писал А.Л. Толстой 31 января 1921 г. Настоящая воля Л. Толстого относительно посмертного издания его сочинений, по словам Черткова, была изложена в дополнительных распоряжениях, «написанных хотя и не его рукой, а моею, – но излагающих его точные указания, как он собственноручно и отметил в нескольких строках над своей подписью в этой бумаге». «Юридическое завещание на Ваше имя, – указывал он дочери писателя, – было написано единственно для того, чтобы дать Вам формальную возможность обеспечить точное исполнение распоряжений, изложенных в этой дополнительной бумаге и предоставивших мне одному право первого издания всех его посмертных изданий». См.: РГАЛИ, ф. 552, оп. 1, д. 73, л. 4–5. 8 октября 1922 г. Чертков просил А.Л. Толстую дать ему письменное удостоверение в том, что и она так же понимает смысл составленной 31 июля 1910 г. пояснительной записки к завещанию. Вскоре после этого их отношения были разорваны.

<sup>55</sup> Абросимова В.Н. Уход Л.Н. Толстого: По дневниковым записям М.С. Сухотина 1910 г. и в переписке Т.Л. Сухотиной-Толстой с С.Л. Толстым 1930-х годов // Известия Академии наук. Серия ОЛЯ. 1996. № 2. С. 66.

<sup>56</sup> Там же.

© 2010 г. В. П. САПОН \*

## «ЗНАКОМЫЕ ПО МИСТИКЕ» (НИЖЕГОРОДСКАЯ АНАРХО-МИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ОРДЕН ДУХА»)

Летом и осенью 1930 г. нижегородские чекисты арестовали группу лиц, которых обвинили в антисоветской деятельности. После того, как выяснилось, что местные конспираторы составляли один из филиалов достаточно разветвленной организации, следственное дело (№ 102 425) было передано в Секретный отдел ОГПУ в Москве. В итоге по данному делу в том же году были осуждены агрономы М.А. Владимиров, А.А. Серкина-Копашина, Ю.П. Ковлейский, сотрудница магазина «Красный Октябрь» Е.И. Дрейман, завпроизводством силикатного завода № 2 в Дзержинске Н.А. Матюшин, сотрудник учебной базы Автостроя М.М. Пальмов, статистик крайотдела труда Е.В. Постникова, геодезический рабочий картографического издательства НКВД И.В. Римский-Корсаков, а также безработные («лица без определенных занятий») В.Э. Мичурин, Л.Л. Шорчева и С.Н. Раева.

В заключении по делу нижегородских диссидентов указывалось, что еще в 1924–1925 гг. в городе «главным образом в среде анти-советски настроенной интеллигенции – литераторов, студентов, агрономов была создана подпольная к-р [контрреволюционная] анархо-мистическая организация»<sup>1</sup>. На определенном этапе эта организация, представлявшая собой, по оценке следствия, филиал некоего «Московского центра», приняла еще более законспирированные формы и превратилась в «Орден духа», члены которого после прохождения ритуала посвящения именовали себя «рыцарями»<sup>2</sup>.

Согласно материалам следственного дела, инициатива создания столь экзотического тайного сообщества в Нижнем Новгороде принадлежала московскому анархисту, математику Александру Сергеевичу Пастухову и студенту химического факультета Нижегородского университета Владимиру Владимировичу Беру. Сначала они прощупывали настроения и заводили знакомства в местной молодежной среде. Одним из первых adeptов анархо-мистической идеологии стал сын известного в прошлом нижегородского предпринимателя Кирилл Башкиров. Для привлечения к делу новых единомыш-

\* Сапон Владимир Петрович, доктор исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.П. Лобачевского.

ленников Бер стал захаживать к своим однокашникам с агрономического факультета Николаю Матюшину и Юрию Ковлейскому, рассказывая о «каких-то тайных оккультных науках»<sup>3</sup>. На одну из таких встреч со студентами агрофака Бер привел Пастухова. Примерно в это же время на почве общего интереса к поэзии состоялось знакомство Бера с Михаилом Владимировым, также студентом Нижегородского университета. Затем уже через неопитов в сферу идейного влияния Пастухова и Бера попадают Софья Раева, Елена Постникова, Екатерина Дрейман и другие.

Весной 1925 г. за анархистскую деятельность Бер был выслан в Туркестан, однако посеянные при его участии семена стали давать всходы: от общих разговоров об оккультизме и эзотерике молодые нижегородцы перешли к созданию конспиративной группы. Причем, вопреки позднейшим показаниям некоторых ее членов, тайное сообщество с самого начала приобрело вполне определенный политический уклон. Как утверждал Владимиров, первое собрание группы анархо-мистиков состоялось летом 1925 г. по инициативе Башкирова и Ковлейского на квартире последнего. На первом собрании присутствовало 7–8 человек. В своем выступлении хозяин квартиры, взявший на себя обязанности председателя, заговорил о «светлых» и «темных» мистиках, о проблемах мироздания. Не обошел он и злободневных политических тем: «Ковлейский говорил о “Национальном центре” и эсеровщине. Одобрял их деятельность. Рассказывал о том, что он был в 1918 г. или 1919 г. эсером непродолжительное время. Общие слова об анархизме, о своем к нему положительном отношении. О том, что читал книги Савинкова и относится с уважением к Савинкову»<sup>4</sup>. На этом же собрании фактически произошло организационное оформление кружка, получившего название «группа мистиков-анархистов». Было решено приступить к вербовке свежих сил, налаживанию связей с Москвой для получения литературы и к пропаганде анархо-мистических идей всеми доступными легальными средствами. Как в любом тайном сообществе, принимаются меры безопасности: кружковцы постановили в дальнейшем собираться не более чем по 7 человек<sup>5</sup>.

Второе собрание состоялось осенью 1925 г., на этот раз под руководством московского гостя – Пастухова. С тех пор нижегородские анархо-мистики стали встречаться почти еженедельно. Чаще всего собирались на квартире у Анны Шиловой (ее соседкой была Анастасия Серкина-Копашина, ставшая одной из «посвященных»), а также у Владимирова, Дрейман, Ковлейского, Постниковой, несколько раз – в Пушкинском садике. После ареста Постниковой в 1927 г. встречи перенесли на кремлевскую стену<sup>6</sup>. В разговорах переплетались мистические и злободневно-политические темы. Так, во время одной из бесед в Пушкинском саду читались «гностические» стихотворения Владимирова, в другой раз разговорились о декабристах и масонстве. Во время встреч на кремлевской стене «обсуждались следующие вопросы: об Атлантиде, о рыцарской миссии на земле, об аресте Постниковой». «Вопрос о рыцарстве, – писал в показаниях Владимиров, – затрагивался нами в связи с упадком культуры, интересов у людей на земле, в частности в СССР»<sup>7</sup>.

Не случайно именно в это время в беседах молодых конспираторов стала звучать «рыцарская» риторика: в течение 1926 г. из ядра «группы мистиков-анархистов» формируется «отряд рыцарей Ордена духа» или «отряд ордена Рыцарей духа». Одним из первых в «рыцари» был посвящен Башкиров; он, в свою очередь, ввел в первую орденскую степень Ковлейского, Матюшина, Раеву, Постникову и Дрейман. Уже после них в «Орден духа» приняли Владимирова. Обряд посвящения был несложным: неопиту просто рассказывалась орденская легенда, никаких клятв не требовалось. Теоретически, перед посвящением полагалось незаметно пробраться в церковь и провести там ночь в душевных приготовлениях. Однако на практике это условие не соблюдалось, поскольку никто не знал тонкостей ритуального действия. Пастухов, когда его спросили, проводил ли он ночь накануне посвящения в церкви, ответил положительно, но в подробности вдаваться не стал<sup>8</sup>.

Становление нижегородского «рыцарства» происходило при целенаправленном поощрении со стороны московских и ленинградских мистиков. Еще на первых собраниях

нижегородской группы в 1925 г. настойчиво звучал вопрос о налаживании постоянных связей с Москвой. Добиться этого удалось уже в следующем году. Регулярные поездки в столицу по организационным делам совершали Раева, Дрейман, Постникова, Владимирова. Средства на поездки выделялись из так называемого «Черного Креста» – кассы, которая пополнялась за счет добровольных взносов нижегородских анархо-мистиков<sup>9</sup>. О встречах с московским профессором Николаем Ивановичем Проферансовым, игравшим одну из ключевых ролей в сообществе российских анархо-мистиков, подробно рассказал в своих показаниях Владимирова. В августе 1926 г. он, как студент, должен был ехать на практику в Подмоскovie. Узнав об этой командировке, Башкиров снабдил его адресом Проферансова. Нижегородский студент сумел попасть к столичному профессору-анархисту только на обратном пути, в октябре. Вот как описывал Владимирова эту встречу: «Зайдя к нему в квартиру, я назвал ему свою фамилию и сказал, что из Нижнего Новгорода. Сказал также, что я знаком с Башкировым. Он сидит и молчит (меня предупреждал об этом Башкиров, который говорил, что нужно заговорить с Проферансовым мне первому). Я стал ему говорить, каким образом сложилась моя идеология. Говорил я об этом очень подробно, в особенности касаясь Шелли и Гете. Он мне ответил, что и Шелли, и Гете были великими революционерами и мистиками и стал мне говорить о Кропоткине. О Кропоткине он говорил, что каждый анархист должен убеждать всех, что всякая власть душит свободу (подразумевая, конечно, под этим и советскую власть). Тут же он рекомендовал мне передать нашей Нижегородской группе о том, чтобы мы вели работу по вовлечению в свои ряды новых членов и осторожно распространяли учение анархо-мистиков. Просил меня и нашу группу поддерживать с ним связь и обещал нас снабжать анархической литературой... Справлялся о настроении крестьянства, я ему ответил, что в местах, где я был на практике, настроение крестьян или коммунистическое или монархическое»<sup>10</sup>.

Поскольку Владимирова к тому времени уже был «рыцарем», Проферансов продолжил его посвящение в орденские дела. По словам профессора, «Орден духа» представлял собой всемирную организацию, вступившую в борьбу со всякой властью, а ее члены – «люди, незаурядно надежные и преданные делу анархо-мистицизма». Эмблема ордена – роза и крест, девиз: «Не любопытствуй, а верь в конечное торжество анархии под знаком мистики». Каждый член организации был обязан хранить молчание обо всем, что касалось ордена, даже под угрозой мучений и смерти. Московский анархо-мистик рассказал молодому нижегородцу и об орденских ритуалах. В частности, о том, что каждое собрание должно открываться и завершаться фразой: «Ордену слава в веках и мирах». Далее всем полагалось встать, а руководитель произносил: «Рыцари круга замыкаются». Основным содержанием «рыцарских» собраний являлось чтение и обсуждение «орденских» легенд («сказок»). Посвященные приветствовали друг друга поклоном, прикладывая при этом руку к сердцу. По этой схеме в последующем и проходили собрания нижегородского «отряда»<sup>11</sup>. Касаясь организационных вопросов, Проферансов отметил, что в «Ордене духа» существует несколько степеней посвящения, «вся организация строится по принципу особых “орденских отрядов”, во главе каждого из них стоит руководитель», «в каждом отряде не должно быть больше семи членов»<sup>12</sup>. Финансовые средства организации составлялись из членских взносов «рыцарей», размер которых специально не оговаривался.

Внесли свой вклад в становление нижегородского «отряда» и ленинградские анархо-мистики. Еще в 1925 г. в Нижний Новгород наведася некая Зина, студентка-медики из города на Неве, которая своей «обработкой» в идеалистическом духе стремилась вовлечь новых адептов в местную анархо-мистическую группу (так, братьям Викторovým она настойчиво задавала вопрос: «Желаете ли Вы работать по анархизму или мистике?»<sup>13</sup>). В марте 1927 г. из Ленинграда на несколько дней приезжал «для проведения ряда докладов по проработке анархо-мистических материалов» метеоролог Леонид Синягин<sup>14</sup>. Основное содержание «докладов» составляли «орденские» легенды, которые гость рассказывал по памяти. Не обошел он и актуальные политические проблемы. Излагая свои взгляды на Китайскую революцию, Синягин заявил, в

частности, что «Гоминдан близок к анархо-мистикам»<sup>15</sup>. В следующем году Синягин прислал нижегородцам книги собственного сочинения «Свобода воли» и «Очерки русской истории».

Наладив связи с Москвой и Ленинградом, нижегородские «рыцари» стремились расширить свою «орденскую» деятельность. На собраниях, которые в 1926–1927 гг. проводились преимущественно на квартире Владимирова, согласно его показаниям, обсуждалось «отношение к власти». «К Советской власти (как и ко всякой другой) мы относились, безусловно, отрицательно, – заявлял он. – Считали необходимым вести с нею борьбу путем: а) пропаганды идей анархо-мистицизма; б) создания новых групп по принципу “семерок” (каждый член “отряда” имел право создавать такие семерки, но о существовании и составе их знал только он один) и вербовкой новых членов; в) критикой отдельных действий власти среди масс с соблюдением особой осторожности; г) изданием собственной литературы путем печатания ее на пишущей машинке»<sup>16</sup>. Нелегально распространялись и обсуждались, например, лекции московского анархо-мистика профессора А.А. Солоновича «Критика материализма», работы об учении Махатмы Ганди, об Атлантиде, пьесы о средневековье, мистические стихотворения Владимирова «Под белым солнцем» и «Шарманщик»<sup>17</sup>. Изучали нижегородцы и легальные произведения русских анархистов (в первую очередь, П.А. Кропоткина и А.А. Борового), выпущенные издательством «Голос Труда»<sup>18</sup>. При обсуждении ожесточенной борьбы между сталинцами и троцкистами нижегородские конспираторы явно симпатизировали последним, полагая, что «троцкизм встал на путь сближения с анархизмом»<sup>19</sup>. В целом, согласно формуле Владимирова, идейно-практические установки его группы содержали «50% политики, 25% эзотеризма, 25% литературы»<sup>20</sup>.

В это же время складываются организационные формы подпольной работы. Каждый член «отряда» получил право вербовать новых членов, создавая группы, о составе которых следовало знать ему одному. Нижегородцы, так же как и их соратники в центре, основной упор делали на работу с «критически мыслящей» интеллигенцией, представители которой должны были составить руководящие кадры анархо-мистического движения. Крестьянству отводилась роль рядовой «массы».

Для «обработки» будущих сторонников использовались различные приемы. Заводя знакомство, члены «семерки» начинали разговоры о религии, философии, искусстве, о бедственном положении отечественной культуры при советской власти, об отсутствии в стране условий, необходимых для творческих людей и т.п. «Обрабатываемых» снабжали анархо-мистической литературой, постепенно вовлекая наиболее восприимчивых в орбиту своего влияния. При этом, «обработку» того или иного потенциального неопита параллельно вели сразу несколько членов «ордена». Например, агронома К.Д. Корсакова «курировали» одновременно Владимиров, Раева и Постникова; студента, а затем сотрудника университета Бориса Герасимова «обрабатывали» Владимиров и Ковлейский<sup>21</sup>. Самых подготовленных и надежных приглашали на «орденские» беседы.

Нижегородские анархо-мистики настойчиво пытались проникнуть в различные организации, рассчитывая завоевать там доминирующие позиции и использовать их для осуществления «рыцарской» миссии. Владимиров, Раева, Дрейман и Постникова завязали знакомства с членами литературного кружка Союза торговых совслужащих, Раева и Постникова ходили также на собрания Краеведческого общества, Владимиров, Раева, Дрейман посещали «Субботы творческой интеллигенции» у выпускника Высших государственных литературных курсов Виктора Мичурина<sup>22</sup>. Везде использовалась одна и та же тактика – «продвижение своих идей в порядке обсуждения литературных произведений и чтения своих произведений»<sup>23</sup>.

По отношению к крестьянству анархо-мистики использовали так называемую «неонародническую» тактику<sup>24</sup>. Суть ее заключалась в том, чтобы организовать хождение в народ «странников», которые, манипулируя православной религиозностью крестьян, смогли бы подготовить их к восприятию анархо-мистической идеологии. В качестве первого шага планировалось создать сеть «богоискательских» кружков, устав которых Раева, вероятно, получила у Проферансова. «Этот кружок, – отмечал Владимиров, –

нами мыслился как начальная форма (в уставе этого кружка даже имелся пункт о признании Соввласти) для ведения работы по приближению и вовлечению в состав членов “Ордена Духа” еще неподготовленных людей. Поэтому кружкам “богоскательей” мы думали придать легальную форму»<sup>25</sup>. В этом же русле проводилась работа в среде специалистов-аграрников, среди которых Владимирова, ставший в 1930 г. дипломированным агрономом, имел немало знакомых и приятелей. «Обработанные» в нужном духе агрономы, по замыслу «рыцарей», могли стать наиболее успешными агитаторами анархо-мистических идей в крестьянской среде<sup>26</sup>.

В качестве своих потенциальных союзников конспираторы рассматривали и сектантов, исходя из того, что «секта адвентистов имеет очень много родственного с мистиками, а евангелисты ...казались близкими к толстовству»<sup>27</sup>. Вездесущий Владимирова побывал однажды у евангелистов, несколько раз – у адвентистов, но близко с ними не знакомился, наблюдая со стороны. Кроме него, у сектантов побывали Раева, Постникова и Дрейман. Однако никаких серьезных организационных последствий эти контакты не имели. Более того, сами анархо-мистики стали объектом пропаганды со стороны сектантов. В частности, некто «адвентист Сережа» не хотел и слушать разговоров Софьи Раевой об анархизме, склоняя ее, в свою очередь, перейти в свою секту<sup>28</sup>. Вероятно, не пошел дальше разговоров и замысел распространения среди сектантов самиздатской анархо-мистической литературы.

Дальнейшее развитие получает и внутриорденская деятельность. Как указывает А.Л. Никитин, исследовавший деятельность советских мистиков, тайные организации, созданные в России видным анархистом и масоном Аполлоном Андреевичем Карелиным и его ближайшими соратниками, представляли собой элементы конспиративно-организационной пирамиды, вершиной которой являлся «Орден тамплиеров». Только поднимаясь по ступенькам орденской иерархии и последовательно получая все более высокие степени посвящения, член организации мог стать собственно тамплиером<sup>29</sup>. По этой же схеме происходило и восхождение некоторых членов нижегородской филиации. Тот же Владимирова узнал от Бера о существовании группы мистиков-анархистов в Нижнем Новгороде в 1924 г., в 1926 г. Башкиров посвятил его в первую степень «Ордена духа», а в сентябре 1929 г. он стал уже рыцарем «Ордена тамплиеров» (обряд посвящения проводил в Москве Проферансов)<sup>30</sup>. Тамплиерами стали также Раева и, возможно, Пальмов.

Проферансов открыл Владимирова, что «Орден тамплиеров» (и «Орден духа» как его составная часть) представляет собой всемирную организацию, во главе которой стоят гротмейстер и 2 конклава (советы). Еще в 1915 г. на съезде ордена в Париже было принято решение о распространении его деятельности на Россию, Индию и Китай, а «в январе месяце 1930 г., по словам Проферансова, должно было состояться совещание или нечто вроде съезда “Ордена Тамплиеров” в Москве»<sup>31</sup>. Владимирова был приглашен на этот съезд, но не сумел приехать по семейным обстоятельствам<sup>32</sup>. Проферансов отрицал преемственность их организации по отношению к средневековым тамплиерам. Он заявил Владимирова, что ничего общего анархо-мистики с теми «феодалами» не имеют, тем более что «посвященных тамплиеров во время крестовых походов было очень мало и они... от общей массы оторвались». Что же касается взаимоотношений «рыцарей» с другими антигосударственниками, то у Владимирова сложилось впечатление, что они были фракцией общероссийского анархистского движения. Проферансов советовал нижегородцам «знакомиться с учением анархистов вообще, в частности, с Кропоткиным, к которому он относился с большим уважением»<sup>33</sup>.

По словам Проферансова, «Орден тамплиеров» включал 12 степеней членства, а также «степени магических кругов». Выход из ордена допускался только для членов первых 3-х степеней, впрочем, посвящение в 4-ю и последующие степени было очень редким. Символика ордена включала флаги 3-х типов: черный (символ мировой скорби), черно-белый (символ борьбы добра и зла) и голубой (символ духовности). Было даже предусмотрено особое, орденское, вино – кипрское<sup>34</sup>. За день до посвящения Владимирова должен был зачитать выдержки из Евангелия от Иоанна и дать твердый ответ,

будет ли он с Орденом или не будет. В назначенный день нижегородец произнес формулу посвящения, трижды подтвердив свою верность Христу. Рассказав посвящаемому легенду об Аппии, Проферансов поздравил его с вступлением в Орден и предложил избрать рыцарское имя. Рыцарям-тамплиерам 1-й степени следовало иметь имена, начинающиеся на букву «А», поэтому Владимиров избрал себе имя «Адлер» (в переводе с немецкого – «орел»). Как он сам отмечал, «в мистическом смысле это значит – сила, мощь, цельная и стойкая натура»<sup>35</sup>. При посвящении Владимирову был также задан вопрос, может ли он быть активным в борьбе Добра со Злом и способен ли во имя христианских идеалов пойти в тюрьму или на каторгу?<sup>36</sup> Беседуя с ним в сентябре 1929 г., Проферансов «указывал на то, в каком тяжелом положении находится в данное время в СССР мистицизм и христианство, что надо защищать анархо-мистицизм и идти на все, вплоть до “виселиц и расстрелов” во имя нашего учения, что надо всемерно укреплять существующий в Нижнем отряд и убеждать в неправоте “уходящих” от нас»<sup>37</sup>.

Впрочем, организационный распад нижегородского «отряда» начался задолго до того, как его деятельностью заинтересовались следственные органы. Владимиров отмечал, что последнее орденское собрание состоялось в апреле 1928 г. и главной причиной их прекращения стало «человеческое, слишком человеческое» поведение одного из активнейших в прошлом членов организации – Юрия Ковлейского. Еще в конце 1927 г. он отошел от внутриорденской «работы» и появлялся на собраниях, иногда в нетрезвом виде, исключительно ради того, чтобы встретить там Екатерину Дрейман. Вызывающее поведение Ковлейского, который «ругал мистику» и «выставлял свою личность», постоянно провоцировало нервозность в среде возмущенно настроенных «рыцарей», особенно у женщин. Об этом Владимиров не преминул доложить Проферансову, заявившему, что «уважение к женщине – одно из положений ордена и Ковлейский неподходящ»<sup>38</sup>. От бестактного соратника удалось избавиться, но и совместных собраний его «знакомых по мистике» (выражение Ковлейского), оставшихся в «отряде», больше не было.

Несмотря на разлад внутри группы, именно в 1928–1930 гг. нижегородские анархо-мистики и связанные с ними люди окончательно вышли за рамки советской законности. Так, в 1928 г. Раева распространяла листовки в клубе совторгслужащих, а в 1929 г., в ночь на Пасху, наклеила листовку на Варварскую церковь<sup>39</sup>. В следственном деле сохранилась копия прокламации, вероятно, имевшей прямое отношение к этой акции: «Граждане, дети погибающей России. Довольно! Мы изнемогаем от 13-ти летий страданий. В тяжелое для всех истинно русских людей время, нужно теснее сплотить ряды вокруг последнего оплота – церкви. Все верующие на всех хамских чистках должны открыто утверждать свою веру, ибо чем больше смелости начинателям, тем больше русских людей пойдут за ними. Мы все обязаны во имя родины требовать вновь церковного звона, душу улаждающего. Свободу проповедей истиной христианской. Если мы все пойдем на это – не будет никаких репрессий, не тюрем, не казней и тирания будет поколеблена. Мы все дети церкви должны сплотиться вокруг ее униженной, но всемогущей уничтожить второе крепостное право ВКП(б). Все на борьбу с дьяволом!»<sup>40</sup>.

По-своему поучаствовал в прокламационном деле и Владимиров. Однажды Михаил Пальмов на квартире у Мичурина попросил его переписать своим почерком какой-то текст, чтобы отдать его на перепечатку и распространить «среди мистиков какого-то учреждения». Владимиров выполнил просьбу крепя сердце, поскольку все, что говорилось в листовке «было диаметрально противоположно орденскому учению: мистические анархисты – враги церкви, власти, заграничным белогвардейцам, догматическим учениям, в том числе и религиозным, особенно папе римскому»<sup>41</sup>. У «рыцаря» сложилось неприятное впечатление, что его самого и его товарищей по анархо-мистическому подполью использует в своих целях какая-то контрреволюционная организация. Примерно в это же время в разговоре с Пальмовым Владимиров доказывал, что необходимо стремиться к созданию «крепкого», хотя бы временного, правительства из лидеров анархо-мистического и одновременно тамплиерского движения, поскольку «в России привыкли к тирании, как царской, так и советской»<sup>42</sup>. Как бы там ни было,

именно подобные действия и слова конспирирующих интеллигентов и могли привлечь к ним внимание компетентных органов.

Разгром группы анархо-мистиков начался в конце июня 1930 г. 28 июня арестовали Постникову, на следующий день – Владимирову, Дрейман, Мичурина, Пальмова, Раеву и Римского-Корсакова, 5 июля – Шорчеву, 8 июля – Серкину, 19 июля – Матюшина, 11 сентября – Ковлейского. 14 сентября в Москве – на пути из туркестанской ссылки в белорусскую – был задержан Владимир Бер. Позднее, чтобы выяснить связи нижегородцев с «Московским центром», подследственных перевели в столичную Бутырскую тюрьму. В заключении по делу № 102 425, подписанному 30 октября 1930 г. сотрудником центрального аппарата ОГПУ, арестованным инкриминировалась ст. 58(10-11) Уголовного кодекса. Все лица, проходившие по делу, обвинялись в безусловно отрицательном отношении к советской власти, в стремлении вести борьбу с коллективизацией сельского хозяйства, в осуществлении нелегальной деятельности в различных организационных формах, в пропаганде анархо-мистических идей и защите религии в период так называемого «крестового похода» папы римского на СССР<sup>43</sup>. В соответствии с этим заключением, дело передали на рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ, которое приговорило Владимирову к 5-ти годам заключения в лагере на Соловках, а Раеву, Постникову и Дрейман – к 3-м годам лагерей. Остальные были сосланы на 3 года (Римский-Корсаков, Мичурин, Ковлейский и Пальмов – в Казахстан, Серкина – в Западную Сибирь, Матюшин – на Урал).

Характерно, что некоторые из фигурантов дела вовсе не состояли в анархо-мистической организации и не имели о ней определенного представления. Так, Л.Л. Шорчева и В.Э. Мичурин «вели» в разное время свои собственные полулегальные кружки, но в орденские дела не посвящались. С другой стороны, далеко не все люди из идейного окружения «рыцарей» были репрессированы. Одним из близких товарищей Владимирову являлся Владимир Фролов, который «плохо воспринимал мистику, но анархистом был давно»<sup>44</sup>. Он познакомился и с другими членами группы – с Раевой и Постниковой, через «рыцарей» к нему попадали различные произведения «орденского» самиздата. Получив университетский диплом и переехав в Москву, Фролов поддерживал связи с нижегородскими единомышленниками и одновременно стал своим среди московских анархистов. 16 сентября 1930 г. его арестовали по делу № 102 425, однако уже 22 сентября он был освобожден из-под стражи как «порвавший идеологически и организационно с идеями анархо-мистицизма»<sup>45</sup>. 11 октября 1930 г. дело прекратили в отношении еще двух фигурантов – А.С. Викторова и А.О. Шиловой<sup>46</sup>.

Что же привлекало молодых нижегородских интеллигентов к столь необычным формам духовно-практической активности? А.Л. Никитин полагает, что «нижегородский кружок для большинства его членов имел значение некоторой интеллектуальной игры, своего рода “формы времяпрепровождения”, которую наполняли литературные устремления большинства (почти все писали стихи и прозу), возможность общения, разговоров и споров, немного флирт, а в целом – тяга к таинственному и запретному, столь характерная для юности вообще, которая скрашивала серость и убогость провинциальной жизни, усугубленной еще постоянной безработицей тех лет»<sup>47</sup>. Нет сомнения, важную роль сыграли духовный голод, не утоленный советской материалистической идеологией, и тяга к нелегальной мистической романтике, но следует отметить, что к моменту ареста практически всем основным участникам событий было около 30-ти лет или более того – далеко не юный возраст. Их тяга к духовному самовозвышению будет более понятна, если учесть, что формирование кружка происходило в условиях нэпа, когда, по словам одного из фигурантов дела, даже в университетской среде «было очень много торговцев с самыми крайне мещанскими и обывательскими взглядами»<sup>48</sup>. Именно те, для кого обвинение в мещанстве звучало оскорблением, и объединялись в подобные идеалистические сообщества. К этому могли прибавляться и сугубо личные мотивы. Например, в своем заявлении в Коллегию ОГПУ Владимиров откровенно признавался, что как поэт он считал себя «сильнее всех Блоков, Есениных и соврем[енных] поэтов»<sup>49</sup>. Среди «знакомых по мистике» ему удавалось найти моральную поддержку

своим творческим амбициям. Другой лидер нижегородского «отряда» – Софья Раева – имела серьезные физические изъяны, и «орденская» идеология, основанная на культе духовности и преклонении перед женщиной, могла служить для нее своеобразным утешением (на что в своих показаниях указал Владимир<sup>50</sup>).

Наконец, нельзя недооценивать и политическую подоплеку «орденского» подполья. Аполитичные люди вряд ли стали бы расклеивать листовки хлестко политического содержания. Кроме того, по оценке того же Владимирова, «фактически получилось так, что в организацию входили дети обиженных революцией людей»<sup>51</sup>. Действительно, Владимир Бер происходил из дворянской семьи, до революции владевшей солидным имением, Кирилл Башкиров был сыном богатого нижегородского купца, отец Софьи Раевой владел мастерской, Постникова характеризуется в деле как «дочь бывшего заводчика», отец Юрия Ковлейского являлся «служителем культа» и т.п. Никто из них при советской власти зажиточно не жил, а некоторые даже не имели работы. Поэтому к интеллигентскому недовольству властью примешивалась, вероятно, и личная обида. С другой стороны, не стоит записывать нижегородских анархо-мистиков в бескомпромиссные борцы с авторитарным режимом: для этого у большинства из них не было необходимых личностных качеств, да и организационные возможности «Ордена духа» больше соответствовали потребностям интеллектуальной игры, нежели серьезной политической борьбы.

Дело нижегородской «орденской» организации представляет собой примечательный эпизод в истории сложных взаимоотношений российской интеллигенции и государства. Отказываясь признать в качестве жизненных ориентиров официальные нормы формировавшегося советского общества, и, вместе с тем, не принимая религиозные ценности прошлого, нижегородские интеллигенты попытались создать островок контркультуры, одухотворенной экзотической анархо-мистической идейностью. Однако их практическая деятельность на ниве «мистического преображения» человечества с первых же шагов вошла в противоречие с законами политической системы, и свобода телесная стала той дорогой ценой, которую они заплатили за попытку сохранить по-своему понятую свободу духовную и интеллектуальную.

## Примечания

<sup>1</sup> Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦА НО), ф. 2209, оп. 3, д. 17900, л. 362.

<sup>2</sup> Там же, л. 363.

<sup>3</sup> Там же, л. 326.

<sup>4</sup> Там же, л. 41 об.

<sup>5</sup> Там же, л. 42.

<sup>6</sup> Там же, л. 81 об.

<sup>7</sup> Там же, л. 82.

<sup>8</sup> Там же, л. 145 об.

<sup>9</sup> Там же, л. 65, 125.

<sup>10</sup> Там же, л. 46–47.

<sup>11</sup> Там же, л. 48.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> Там же, л. 81 об.

<sup>14</sup> Там же, л. 71.

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Там же, л. 50.

<sup>17</sup> Там же, л. 59, 80 об.–81, 83.

<sup>18</sup> Там же, л. 80.

<sup>19</sup> Там же, л. 50.

<sup>20</sup> Там же, л. 143.

<sup>21</sup> Там же, л. 80 об.

<sup>22</sup> Там же, л. 81 об., 93.

<sup>23</sup> Там же, л. 93.



<sup>24</sup> Там же, л. 50.

<sup>25</sup> Там же, л. 59–59 об.

<sup>26</sup> Там же, л. 93 об.

<sup>27</sup> Там же, л. 93 об.–94.

<sup>28</sup> Там же, л. 148.

<sup>29</sup> Никитин А.Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России: Исследования и материалы. М., 2000. С. 119. О А. А. Карелине подробнее см.: Сапон В.П. Русский либертарий А.А. Карелин // Отечественная история. 2008. № 2. С. 160–169.

<sup>30</sup> Всего, согласно показаниям Владимиров, в «Ордене духа» было 7 степеней, а в «Ордене тамплиеров» – 12.

<sup>31</sup> ЦА НО, ф. 2209, оп. 3, д. 17900, л. 65–66.

<sup>32</sup> Пальмов, со слов Владимиров, утверждал, что какой-то съезд с участием представителей центра анархо-мистиков состоялся в Нижнем Новгороде. Проходил он «в подвале двое суток с занавешенными окнами». На этом съезде произошел раскол между теми, кто надеялся на быстрый крах большевизма, и пессимистами, полагавшими, что ждать придется еще несколько десятилетий. «Из-за этого произошло расхождение нижегородских мистиков-анархистов, после чего, как говорит Владимиров, часть женщин-студенток, входившая в организацию, постепенно рассеялась и остались только преданные». До этого в собраниях группы участвовало до 30 человек, в том числе студенты университета. Продолжая показания, Пальмов писал, что «в Москве находится центр, который возглавлялся Корелиным (правильно – Карелиным. – В.С.), а после смерти последнего из-за границы был специально прислан какой-то швейцарец, который сейчас и является председателем центра мистических анархистов» (ЦА НО, ф. 2209, оп. 3, д. 17900, л. 136.). Стоит отметить, что Пальмов не входил в «отряд», в котором состояли Владимиров, Раева и другие. Его показания, приведенные выше, не подкрепляются показаниями других обвиняемых.

<sup>33</sup> ЦА НО, ф. 2209, оп. 3, д. 17900, л. 97–98.

<sup>34</sup> Там же, л. 65.

<sup>35</sup> Там же, л. 364.

<sup>36</sup> Там же, л. 65–65 об.

<sup>37</sup> Там же, л. 56.

<sup>38</sup> ЦА НО, ф. 2209, оп. 3, д. 17900, л. 105.

<sup>39</sup> Там же, л. 75.

<sup>40</sup> Там же, л. 350.

<sup>41</sup> Там же, л. 374.

<sup>42</sup> Там же, л. 143.

<sup>43</sup> Там же, л. 362–365.

<sup>44</sup> Там же, л. 82.

<sup>45</sup> Там же, л. 284.

<sup>46</sup> Там же, л. 243.

<sup>47</sup> Никитин А.Л. Указ. Соч., с. 113.

<sup>48</sup> ЦА НО, ф. 2209, оп. 3, д. 17900, л. 209.

<sup>49</sup> Там же, с. 78 об. Правда, что-то заставило Владимиров зачеркнуть последнюю строчку своего заявления с этими словами.

<sup>50</sup> Там же, л. 103.

<sup>51</sup> Там же, л. 98.